

УДК 343.213.3

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПРИНЦИПА ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Characteristics of the Application of the Criminal Law for Crimes, Committed in the Internet

КОМАРОВ Антон Анатольевич – доцент кафедры уголовного права и процесса Сибирского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук (Новосибирск)

Komarov Anton A. – Docent of the Criminal Law and Procedure Department, Siberian Institute of Management – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Legal Sciences (Novosibirsk)

reise83@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются основные постулаты территориального принципа действия уголовного закона в пространстве применительно к глобальной компьютерной сети Интернет. В рамках сравнительно-правового метода проанализированы различные подходы американских, германских, отечественных криминалистов к разрешению коллизий относительно инфраструктуры сети Интернет, компьютерной информации и особенностей действия на них национального уголовного права этих стран.

Annotation. The article analyzes the basic postulates of the principle of territorial application of criminal law in space in relation to the global computer network – Internet. As part of the comparative legal method various approaches of American, German, Russian forensic scientists to the resolution of conflicts regarding the infrastructure of the Internet, computer information and features of the action of the national criminal law in these countries are analyzed.

Ключевые слова: сеть Интернет, преступность, юрисдикция, ответственность, коллизия, компьютерная преступность, действие уголовного права в пространстве.

Keywords: Internet, crime, jurisdiction, responsibility, conflict, cybercrime, application of criminal law in space.

DOI: 10.19073/2306-1340-2016-4-57-63

Отечественное уголовное законодательство в своей основе имеет четыре четко сформулированных принципа: территориальный, персональный (гражданства), реальный и универсальный. Каждый из них играет собственную роль внутри института действия уголовного закона в пространстве и во времени.

Практически все криминалисты единодушны во мнении, что территориальный принцип действия является основополагающим [15]. Однако такое положение он занимал не всегда, несмотря на то, что известен со времен античности.

В Древнем Риме территориальный принцип имел определенную специфику, являясь частью более общего правового института: *lex loci actus* (от lat. – закон места совершения юридически значимых действий). Как видно из названия, такая юридическая конструкция вполне применима как к частно-правовым, так и к публично-правовым отношениям. Другое дело, что юридически значимыми для гражданского и уголовного права являются различные по своей сути акты. Поэтому *lex loci actus* распадался на две более простые конструкции. Первая, *lex loci injuriae*,

определяла применимый закон по месту причинения ущерба. Вторая, *lex loci delicti commissi*, – по месту совершения деликта (правонарушения). Условно говоря, последнюю можно определить как исходный вариант современного территориального принципа. Но не стоит воспринимать эти положения буквально, в попытках соотнести с современным содержанием уголовно-правового принципа. Описанные нами конструкции практически в неизменном виде используются лишь в современном международном частном праве, а также определяют специфику территориального принципа действия уголовного закона в странах общего права – США, Великобритании [20, р. 41].

Более привычное нам наполнение территориальный принцип в уголовном праве получил в середине XIX в. благодаря трудам таких ученых, как Р. Кёстлин, А. Ф. Бернер, Й. Ф. Абегг и многие другие. С тех пор стало принято считать, что остальные принципы могут лишь дополнять территориальный принцип, но ни в коей мере не противоречить ему [13, с. 235].

Уже по этому основанию можно сказать, что применимы данные принципы весьма ограничено. Так, в раннем Средневековье доминировал персональный принцип (*Personalitätssystem* – нем.), который отдавал приоритет личной ответственности человека в соответствии с его принадлежностью к какой-либо народности, а позднее – сословию. Представители одной нации судились на территории какого-либо средневекового государства по своим собственным законам. Киевская Русь не была в этом плане исключением. Из договоров князя Олега с Византией 911 г. известно, что уголовная ответственность для русских, совершивших преступление на территории любого из государств, наступала по «обычаю Русскому» [8, с. 11].

Однако с укреплением государственной власти на местах четкость и лаконичность постулатов территориального принципа пригодилась в большинстве писаных источников уголовного права: действие национального права распространяется на территорию страны и никогда не выходит за ее пределы. Для большинства государственных образований Средневековья и в особенности Нового времени такой принцип был самодостаточен, поскольку требовал лишь точного определения (закрепления) государственных границ и места совершения преступления.

Но территориальный принцип не свободен и от недостатков, которые отмечаются в связи с так называемыми «транзитными преступлениями», совершаемыми одновременно на территории нескольких стран [10, с. 14]. Преступник, скрывшийся от правосудия на территории иного (возможно, родного для него) государства или совершающий оттуда преступления против граждан или интересов другого государства, не может быть привлечен к уголовной ответственности.

В соответствии с логической посылкой, формулируемой в рамках основных постулатов принципа, для его повсеместного и неукоснительного действия требуется создать гибкую систему выдачи всех без исключения преступников в страну по месту совершения ими преступления. Однако такое положение дел не устраивало даже самых последовательных сторонников принципа. Например, Р. Кёстлин писал, что более правильно наделить правом представительной компетенции (возможностью карать от имени государства по месту совершения преступления), нежели выдавать виновных за пределы Германии [19, S. 747].

Малопродуктивной видится попытка расширительного толкования понятия места совершения преступления («теория длинной или удлинённой руки» – *Theorie der langen oder verlängerten Hand*, oder *Theorie der erweiterten Handlungsbegriffes* и «теория промежуточного воздействия» – *Theorie der Zwischenwirkung oder Zwischenwirkungstheorie*) относительно транснациональных преступлений, которые получили распространение в Новейшее время [9, с. 49].

Вместо попыток толковать место совершения преступления мы могли бы предложить расширять или сужать понятие самой территории, на которую распространяется юрисдикция того или иного государства. В этом плане примечательна позиция Р. Р. Хаснутдинова [11, с. 18], который подробно анализирует проблему существования некоторых негеографических объектов, так называемых «квазитерриторий». Традиционно к таким объектам относят воздушные и водные судна иностранного происхождения, действующие под флагом (*lex flagi*). А. Г. Князев [6, с. 11] присовокупляет к этому проблему отнесения территорий, зданий и сооружений дипломатических миссий к территории государства аккредитации.

Можно ли рассматривать сеть Интернет как новый квазиобъект? Подобная позиция интересна тем, что такие объекты (исходя из географических критериев) находятся в правовом поле России, но уголовная юрисдикция на них не распространяется. В международном праве в таком случае принято говорить об иммунитетах [12, с. 335].

Вслед за этим стоит сделать несколько оговорок и о природе «виртуального пространства», если рассматривать его в аналогичном ключе. В трудах наших американских коллег подобный вопрос занимает немаловажное место. Так, Ш. Торнтон подробно рассматривает проблему ограничения прав пользователей сети Интернет попытками государственного регулирования как приоритетную задачу в рамках определения национальной уголовной юрисдикции США [22]. Отсюда вытекает восприятие пространства сети Интернет как своеобразной наднациональной платформы, в отношении которой неосуществима национальная юрисдикция [21]. Право на общение в сети Интернет для американцев является наднациональным субъективным правом каждого человека. Система складывающихся в этой сфере норм поведения не может быть урегулирована национальным правом, поскольку сеть Интернет территорией в географическом смысле не является.

Несколько иную позицию занимают представители континентальной системы права. В частности, немецкие криминалисты. Э. Хильгендорф [17, S. 1874] напрямую говорит о неприменимости территориального принципа к правоотношениям в сети Интернет, предлагая осуществлять уголовное преследование на основе реального принципа действия уголовного закона. Нужно отметить, что в германском законодательстве, в отличие от российского, этот принцип применяется достаточно широко [4, с. 102].

Другой немецкий исследователь, В. Хайншель фон Хайнегг, признавая невозможность реализации территориального принципа, отдает приоритет международному уголовному праву [16]. Вместе с тем он приводит интересную мысль о физической инфраструктуре сети Интернет, привязанной к конкретной территории (в рассуждениях данного криминалиста имеется отсылка даже к электросетям какого-либо государства как к источнику питания подобных квазиобъектов).

В большинстве из рассмотренных нами работ постоянно заходит речь о соотношении терри-

тории и некоего правового поля, которое по географическим критериям может быть как уже, так и шире определенной территории. Вслед за В. Хайншелем фон Хайнеггом можно было бы положить возможным «растянуть» понятие национального правового поля не только на инфраструктуру глобальной сети, но и на компьютерную информацию как движимый квазиобъект.

Прецеденты подобного рода в отечественной законотворческой практике присутствуют. Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях» на иностранных агентов была возложена обязанность по хранению персональных данных россиян на серверах внутри Российской Федерации [7]. Этим подтверждается тезис о том, что любая информация, направленная россиянам или содержащая сведения о них, должна находиться в правовом поле России. Такая постановка вопроса в большей степени свидетельствует о применении персонального принципа действия закона. Одновременно прослеживается желание увязать действие норм лишь с конкретной территорией. В этом просматривается довольно четкая позиция: государство достаточно трезво оценивает свои возможности по защите прав российских пользователей. Подобное свидетельствует как минимум о взаимопроникновении двух принципов, одним из которых является территориальный. Но фактически речь идет о попытке уместить все возникающие в сети Интернет правоотношения в собственные государственные границы. Тем самым обеспечивается тождество государственной территории и правового поля.

Пожалуй, это не самый удачный вариант. Достаточно взглянуть на ситуацию с компьютерной информацией. Она может свободно передаваться с территории одного государства на территорию другого, минуя третье. Обладает ли она иностранным элементом, подпадая под действие *lex flagi*?

Стоит сказать, что сама постановка вопроса, увы, не нова. Несмотря на активную научную дискуссию, начатую еще в XIX в. по вопросу так называемых «транзитных преступлений», никто из ученых так и не приблизился к решению проблемы. В английском уголовном праве преступления (к примеру, клевета), совершенные

путем почтового отправления, считаются оконченными по месту наступления вредных последствий. А почта выступает в качестве innocent agent – невинного причинителя (перевод наш. – А. К.) [5, с. 457]. В Германии концептуального решения вовсе не было найдено. Так, в исследованиях германских криминалистов был описан интересный случай: когда при пересылке почтой совершалось клеветническое преступление, большинство немецких юристов отказывались признавать Германию местом совершения преступления. Если же предметом пересылки являлись взрывчатые или отравляющие вещества, мнение менялось на противоположное [18, S. 71]. В советском уголовном праве, как отмечала М. И. Блум, уделялось недостаточно внимания этому вопросу [1, с. 130].

В случае с информацией единственным возможным маркером для *lex flagi* является, пожалуй, лишь язык обращения. Можно было бы положить, что информация на русском языке, циркулирующая в сети Интернет, должна подпадать под действие российских законов, поскольку обращена к носителям языка, преимущественно россиянам. И напротив, компьютерная информация, обладая признаком иностранного элемента (в нашем понимании – излагаемая на иностранном языке), подпадает под действие юрисдикции иного государства. Однако подобная дефиниция становится невозможной, ибо иные языки имеют хождение в нескольких странах одновременно, да и в России насчитывается много национальных языков, на которых общаются в сети Интернет. Второй момент состоит в том, что незнание иностранного языка вовсе не является той преградой, которая способна уберечь россиян от покушений из-за рубежа. Языковой барьер в сети Интернет стирается благодаря тем же самым технологиям [2, с. 341]. Третьим обстоятельством выступает сама природа компьютерной информации – ее электронный характер [3, с. 65]. Для того чтобы она приобрела «удобоваримый» для человека вид, необходимо ее преобразование из машинного двоичного кода в какие-то визуализированные формы, в отличие от тех же письменных сообщений XIX в.

Полагаем, что компьютерная информация, обладая подобными свойствами, не может являться искомым квазиобъектом в рамках территориального принципа действия уголовного закона в пространстве. Она, несомненно, является объектом права и, будучи зафиксированной

на материальном носителе, – объектом материальным. Ее распространение и использование должно быть урегулировано иными правовыми методами, отличными от ранее известных. Здесь можно провести аналогию между наличными денежными средствами, перевозимыми и декларируемыми гражданами, и пластиковыми картами, средства на которых не декларируются. Хотя и те, и другие предметы представляют собой материальные ценности.

Подводя итоги нашего исследования, отметим, что реализация территориального принципа действия уголовного закона в пространстве относительно преступлений, совершаемых в сети Интернет, возможна лишь при следующих существенных условиях.

Во-первых, для непосредственного действия принципа необходимо создать единое правовое поле. При этом не обязательно, чтобы оно было привязано к конкретной территории, правовой системе какого-либо государства. Инфраструктура сети Интернет по своей природе такова, что невозможно добиться главенства какого-либо государства над его ресурсами, наполнением и содержанием. Достаточно договориться о единстве составов преступлений, признаваемых в качестве компьютерных. Подобное может быть реализовано в довольно короткие сроки. Начальный этап был положен Конвенцией Совета Европы «О киберпреступности» 2001 г., которая содержит перечень таких преступлений [14].

Однако конструкции статей несовершенны, поскольку носят слишком общий характер. В данный момент ведутся подготовительные и консультационные работы по подготовке нового международного документа. Поэтому мы бы хотели порекомендовать обозначить в будущем документе и единство санкций, чего нет до сих пор и в принципе не планируется. В противном случае каждый из преступников сможет выбрать для себя наиболее мягкое наказание из всех возможных, просто переезжая из одной страны Европейского Союза в другую.

Создание единого правового поля отражает, на наш взгляд, некий симбиоз территориального и универсального принципов действия уголовного права. В действительности универсальная юрисдикция пока нереализуема. Полагаем, что проблема может быть решена не только на глобальном, но и на локальном уровне. Российская Федерация может не только включаться в существующие процессы по урегулированию вопро-

сов действия уголовного права в рамках Конвенции Совета Европы, но и создавать собственные. К примеру, в пределах постсоветского пространства, основанного пока еще на единых представлениях о содержании и принципах действия уголовного права. Здесь возможно принятие двусторонних и многосторонних нормативных актов, посвященных борьбе с компьютерной преступностью, с постепенным расширением вновь созданного правового поля на сопредельные страны. В то же время оградить граждан Российской Федерации от преступных посягательств со стороны государств, не состоящих с Россией в договорных отношениях, можно при помощи изоляции российского сегмента глобальной сети Интернет по примеру КНР. В некотором смысле это может знаменовать собой некий переходный период к созданию международных норм об ответственности за компьютерные преступления и замещению территориального принципа универсальным.

Во-вторых, мы полагаем справедливым заметить, что территориальный принцип не может быть полноценно реализован в случае отказа от выдачи собственных граждан странам по месту совершения преступления. Страны общего права, наиболее строго придерживающиеся постулатов территориального принципа, допускают такую возможность. Страны континентального права – отрицают. Это нивелирует ценность такой правовой категории, как место совершения преступления. Ведь даже если страны договорятся о единой дефиниции, что позволит четко его устанавливать, то привлечь большинство «сбежавших» с места совершения преступления в родную страну становится невозможно по национальному закону места совершения преступления. То же касается дистанционных преступлений; преступлений, совершаемых с территории нескольких стран одновременно.

Но если взглянуть на проблему интернет-преступлений с позиции новой правовой фикции – квазитерритории, образованной единством правового поля, а не государственного суверенитета, то проблема вполне разрешима. Для этого необходимо признать местом преступления саму глобальную сеть, т. е. все случаи совершения преступных деяний посредством сети Интернет. Достаточно лишь закрепить этот особый правовой статус компьютерной сети на международном уровне. По сути, создать новый правоохраняемый объект – общественные отношения в глобальной компьютерной сети Интернет.

В данном случае мы сохраняем внешний признак территориальности (присутствует абстрактное место совершения преступления), но теряем связь с национальной юрисдикцией конкретного государства. Понятно, что такая конструкция не может считаться территориальным принципом в изначальном его виде. Для того чтобы восстановить упомянутую связь, можно употребить персональный пассивный принцип. В ситуации единого правового пространства (касательно компьютерных преступлений) вполне возможно осуществлять меры уголовного преследования государством, в котором проживает потерпевший, поскольку в данном случае легче будет установить размер и характер причиненного вреда. И производство по делу следует производить не «по месту совершения преступления», а по месту жительства (нахождения) потерпевшего.

Таким образом, обновленная формула территориального принципа с учетом вышеизложенного состоит в следующем: в случае признания местом совершения преступления сети Интернет должна использоваться национальная юрисдикция того государства, в котором проживает потерпевший.

Список литературы

1. Блум М. И. Действие советского уголовного закона в пространстве : учеб. пособие. Рига : ЛГУ им. П. Стучки, 1974. 262 с.
2. Дремлюга Р. И. Международно-правовое регулирование сотрудничества в сфере борьбы с интернет-преступностью // Библиотека криминалиста. 2013. № 5 (10). С. 339–347.
3. Евдокимов К. Н. Актуальные вопросы совершенствования уголовно-правовых средств борьбы с компьютерными преступлениями // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2 (24). С. 62–66.
4. Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М. : Вэлби : Проспект, 2006. 560 с.
5. Кенни К. Основы уголовного права / пер. с англ. М. : Иностр. лит., 1949. 599 с.
6. Князев А. Г. Действие уголовного закона в пространстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 26 с.
7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях : федер. закон от 21 июля 2014 г. № 242-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Памятники права Киевского государства X–XI веков / сост. А. А. Зимин. М. : Юрид. лит., 1952. 287 с.

9. Российское уголовное право. Общая и особенная части : учеб. : в 3 т. Т. 1. Общая часть. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. Н. А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2014. 720 с.
10. Фролова А. И. Действие российского уголовного закона в пространстве: законодательная регламентация и перспективы совершенствования с учетом опыта уголовного законодательства зарубежных стран : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 28 с.
11. Хаснутдинов Р. Р. Территориальное и экстерриториальное действие уголовного закона : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 22 с.
12. Чемеринский К. В. Международно-правовые основы криминализации общественно опасных деяний: отдельные проблемы // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2016. № 1. С. 332–336.
13. Чемеринский К. В. Понятие, значение и функции принципов уголовного законодательства // Современные фундаментальные и прикладные исследования. 2014. № 1 (12). С. 233–236.
14. Convention on Cybercrime // Council of Europe : [официальный сайт]. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/185> (дата обращения: 22.08.2016).
15. Dorozhinskaya E. A., Komarov A. A., Krupnitskaya V. I., Rozuman I. V. The Criminal Law Influence on the Modern Electronic and Information Society of the Russian Federation // International Review of Management and Marketing. 2016. Vol. 6. № 6S. P. 165–168.
16. Heintschel von Heinegg W. Legal Implications of Territorial Sovereignty in Cyberspace // 4th International Conference on Cyber Conflict. Tallinn, 2012. URL: https://ccdcoe.org/publications/2012proceedings/1_1_von_Heinegg_LegalImplicationsOfTerritorialSovereigntyInCyberspace.pdf (дата обращения: 29.07.2016).
17. Hilgendorf E. Überlegungen zur strafrechtlichen Interpretation des Ubiquitätsprinzips im Zeitalter des Internet // Neue juristische Wochenschrift. 1997. № 29. S. 1873–1878.
18. Hippel R. Deutsches Strafrecht. Bd. 2. Berlin, 1930. 584 S.
19. Köstlin R. Neue Revision der Grundbegriffe des Kriminalrechts // Allgemeine Literatur-Zeitung. 1845. № 92. S. 746–750.
20. Lipstein K. Principles of the Conflict of Laws National, and International. Hague : Martinus Nijhoff Publishers, 1981. 144 p.
21. Miller S. Prescriptive Jurisdiction over Internet Activity: The Need to Define and Establish the Boundaries of Cyber-liberty // Indiana Journal of Global Legal Studies. Vol. 10. Iss. 2. Art. 8. URL: <http://www.repository.law.indiana.edu/ijgls/vol10/iss2/8> (дата обращения: 28.07.2016).
22. Thornton S. State Criminal Laws in Cyberspace: Reconciling Freedom for Users with Effective Law Enforcement // Richmond Journal of Law & Technology. 1997. Vol. IV. Iss. 2. URL: <http://jolt.richmond.edu/v4i2/thornton.html> (дата обращения: 28.07.2016).

References

1. Blum M. I. *Deistvie sovetskogo ugovornogo zakona v prostranstve* [Soviet Criminal Law in Space]. Riga : P. Stuchki Latvian State Univ. Publ., 1974. 262 p.
2. Dremlia R. I. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie sotrudnichestva v sfere bor'by s internet-prestupnost'iu [International Legal Regulation of Cooperation in Combating Internet Crime]. *Biblioteka kriminalista – Criminalist's Library Scientific Journal*, 2013, no. 5 (10), pp. 339–347.
3. Evdokimov K. N. Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniia ugovorno-pravovykh sredstv bor'by s komp'yuternymi prestupleniiami [Actual Issues of Improving Criminal Legal Means of Combating Computer Crime]. *Vestnik Kazanskogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii – Journal of Kazan Law Institute of the Russian Interior Ministry*, 2016, no. 2 (24), pp. 62–66.
4. Zhalinskii A. E. *Sovremennoe nemetskoe ugovornoe pravo* [Modern German Criminal Law]. Moscow, Velbi Publ., Prospekt Publ., 2006, 560 p.
5. Kenny C. *Osnovy ugovornogo prava* [Basics of Criminal Law]. M. : Inostrannaia Lit. Publ., 1949. 599 s.
6. Kniazev A. G. *Deistvie ugovornogo zakona v prostranstve*. Avtoref. dis. kand. iurid. nauk [Application of Criminal Law in Space. Ext. Abstr. of Cand. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2006. 26 p.
7. Federal'nyi zakon “O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii v chasti utochneniia poriadka obrabotki personal'nykh dannykh v informatsionno-telekommunikatsionnykh setiakh” [Federal Law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation to Clarify the Processing of Personal Data in the Order of Information and Telecommunications Networks”] of July 21, 2014 № 242-FZ. *Konsul'tantPlus – ConsultantPlus*, 2016.
8. Pamiatniki prava Kievskogo gosudarstva X–XI vekov [Monuments of Kievan State Law]. Moscow, Iuridicheskaiia Lit. Publ., 1952. 287 p.
9. Lopashenko N. A. (Ed.) *Rossiiskoe ugovornoe pravo. Obshchaia i osobennaia chaste. T. 1. Obshchaia chast'* [Russian Criminal Law. General and Special Parts. Vol. 1. General]. 2nd ed. Moscow, IurLitinform Publ., 2014. 720 p.
10. Frolova A. I. *Deistvie rossiiskogo ugovornogo zakona v prostranstve: zakonodatel'naia reglamentatsiia i perspektivy sovershenstvovaniia s uchetoм opyta ugovornogo zakonodatel'stva zarubezhnykh stran*. Avtoref. dis. kand. iurid. nauk [Action of Russian Criminal Law in Space: Legal Regulation and Prospects for Improvement Based on the Experience of the Criminal Law of Foreign Countries. Ext. Abstr. of Cand. Legal Sci. Dis.]. Ekaterinburg, 2013. 28 p.
11. Khasnutdinov R. R. *Territorial'noe i eksteritorial'noe deistvie ugovornogo zakona*. Avtoref. dis. kand. iurid. nauk [Territorial and Extra-Territorial Effect of the Criminal Law. Ext. Abstr. of Cand. Legal Sci. Dis.]. Kazan', 2007. 22 p.
12. Chemerinskii K. V. Mezhdunarodno-pravovye osnovy kriminalizatsii obshchestvenno opasnykh deianii: otdel'nye problemy [International Legal Bases of Criminalization of Socially Dangerous Acts: Selected Issues]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo humanitarnogo instituta – Journal of North-Caucasus Humanitarian Institute*, 2016, no. 1, pp. 332–336.
13. Chemerinskii K. V. Poniatie, znachenie i funktsii printsipov ugovornogo zakonodatel'stva [Concept, Meaning and Function

of the Principles of Criminal Law]. *Sovremennye fundamental'nye i prikladnye issledovaniia – Modern Fundamental and Applied Researches*, 2014, no. 1 (12), pp. 233–236.

14. Convention on Cybercrime. *Council of Europe*. Available at: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/185> (accessed 22.08.2016).

15. Dorozhinskaya E. A., Komarov A. A., Krupnitskaya V. I., Rozuman I. V. The Criminal Law Influence on the Modern Electronic and Information Society of the Russian Federation. *International Review of Management and Marketing*, 2016, vol. 6, no. 6S, pp. 165–168.

16. Heintschel von Heinegg W. Legal Implications of Territorial Sovereignty in Cyberspace. *4th International Conference on Cyber Conflict. Tallinn, 2012*. Available at: https://ccdcoe.org/publications/2012proceedings/1_1_von_Heinegg_LegalImplicationsOfTerritorialSovereigntyInCyberspace.pdf (accessed 29.07.2016).

17. Hilgendorf E. Überlegungen zur strafrechtlichen Interpretation des Ubiquitätsprinzips im Zeitalter des Internet. *Neue juristische Wochenschrift*, 1997, no. 29, pp. 1873–1878.

18. Hippel R. *Deutsches Strafrecht*. Bd. 2. Berlin, 1930. 584 S.

19. Köstlin R. Neue Revision der Grundbegriffe des Kriminalrechts. *Allgemeine Literatur-Zeitung*, 1845, no. 92, S. 746–750.

20. Lipstein K. *Principles of the Conflict of Laws National, and International*. Hague, Martinus Nijhoff Publishers, 1981. 144 p.

21. Miller S. Prescriptive Jurisdiction over Internet Activity: The Need to Define and Establish the Boundaries of Cyberliberty. *Indiana Journal of Global Legal Studies*, vol. 10, iss. 2, art. 8. Available at: <http://www.repository.law.indiana.edu/ijgls/vol10/iss2/8> (accessed 28.07.2016).

22. Thornton S. State Criminal Laws in Cyberspace: Reconciling Freedom for Users with Effective Law Enforcement. *Richmond Journal of Law & Technology*, 1997, vol. IV, iss. 2. Available at: <http://jolt.richmond.edu/v4i2/thornton.html> (accessed 28.07.2016).